

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.016

УДК 93/94

Р.Б. БАХМУДОВ

преподаватель Российского государственного
социального университета, Россия, г. Москва

E-mail: rasimbahmudov@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПОЛИТИК РОССИИ В 1991-2020-Е ГГ.

Статья посвящена анализу эволюции постсоветской культурной идентичности и трансформации интеграционных политик России в 1991-2020-е гг. С опорой на сравнительно-исторический метод рассматриваются изменения структуры постсоветской общности, влияние политики памяти и практик национального строительства на формирование конкурирующих моделей идентичности, а также динамика ключевых интеграционных форматов – СНГ, Союзного государства и Евразийского экономического союза. Особое внимание уделено ограниченному интеграционному потенциалу СНГ как механизма сохранения единой культурной идентичности, что обусловлено институциональной слабостью объединения и разнородностью интересов его участников. Показано, что более глубокие по уровню институционализации форматы – Союзное государство и ЕАЭС – обладают большими возможностями для поддержания и реконфигурации общего культурно-исторического пространства. Делается вывод о возрастании роли гуманитарных инициатив, образовательных программ и академической мобильности в формировании новых наднациональных идентичностей и уточняются исторические факторы устойчивости постсоветской общности.

Ключевые слова: постсоветская идентичность, культурная политика, интеграционные процессы, СНГ, Союзное государство, ЕАЭС.

Введение. Создание СНГ в декабре 1991 г. первоначально рассматривалось как способ сохранить общее экономическое, гуманитарное и оборонное пространство на территории бывшего СССР и придать импульс дальнейшему развитию связей между новыми независимыми государствами. Однако за прошедшие десятилетия стало очевидно, что институциональные интеграционные форматы (СНГ, Союзное государство, евразийские проекты) далеко не полностью обеспечивают воспроизводство единого культурного пространства. При всей внутренней сложности и неоднородности постсоветское социокультурное пространство, исторически характеризуемое взаимосвязанностью, потенциально может выступать соединительной тканью современной глобальной интеграции и культурно-идентификационным интегратором. Вместе с тем оно подвержено процессам фрагментации, конкуренции идентичностей и переосмысления

общего прошлого, что ставит под вопрос устойчивость единой культурной идентичности на постсоветском пространстве.

Современные исследования фиксируют, что в условиях глобализации, усиления межрегионального соперничества и острого информационного противостояния анализ идентичности приобретает ключевое значение как анализа когнитивной схемы, задающей систему координат социального поведения и совокупность гражданских ценностей солидарности и интеграции [11].

Для России, чье геополитическое положение в мировой системе претерпело существенные изменения, вопрос о конфигурации постсоветской идентичности и ее интеграционном потенциале носит принципиальный характер. На этом фоне продолжается напряженный поиск оптимального способа сосуществования государств на территории бывшего СССР и форм интеграции, способных обеспечить не только экономическую, но и социокультурную консолидацию.

Ряд исследователей подчеркивает, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве могут быть устойчивыми лишь при условии, если они способствуют формированию единого ценностно-смыслового, экономического и социокультурного пространства, основанного на общих культурных ориентирах и логике культурного единства в многообразии [3. С. 33-42]. В то же время постсоветское социокультурное пространство мыслится не только как наследие прошлого, но и как динамичный ресурс потенциальной интеграции нового геополитического сообщества, опирающийся на общую историю, советскую многонациональную культуру и феномен русского языка как общего кода.

В этих условиях обращение к интеграционным проектам бывшего СССР с точки зрения их роли в сохранении единой культурной идентичности представляется научно и практически значимым.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 7; 8; 13; 15; 16; 18; 20; 21; 23; 24].

Однако проблему запроса на новые интеграционные форматы постсоветской общности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Трансформация постсоветской общности и запрос на новые интеграционные форматы. Распад СССР не уничтожил автоматически сложившуюся в позднесоветский период наднациональную общность. Социологи фиксируют, что через тридцать лет после 1991 г. лишь около трети опрошенных россиян чувствуют близость с жителями бывших союзных республик, треть такой близости не ощущает, еще треть занимает безразличную позицию [12. С. 6-25]. Эти данные свидетельствуют о том, что постсоветское пространство превратилось в арену острого идеологического противостояния, где конкурируют различные проекты идентичности, а советское наследие перестало быть самоочевидной основой солидарности. При этом исследователи подчеркивают наличие сохраняющегося

интеграционного потенциала и необходимость нового, уже не «постсоветского», идеологического проекта пространственно-территориальной и национально-гражданской идентичности [12. С. 6-25].

Философы и культурологи описывают ситуацию как кризис привычных форм самоидентификации: цивилизационной, религиозной, культурной, национально-государственной. Эти формы «уже не вмещают в себя все содержание человеческой жизни в глобальном обществе», что порождает кризис всех существующих типов идентичности [4. С. 19-22]. Одновременно наблюдается усиление фрагментарности и локальности, возрождение традиционных ценностей и актуализация этнокультурной идентичности, зачастую приводящие к конфликтам. В постсоветском контексте это означает, что общность, основанная на советском опыте и русском языке как общем коде, сосуществует с процессами регионализации, этнизации политики и переосмысления общего прошлого.

Исследование постсоветской идентичности показывает, что значимая часть населения ориентируется прежде всего на локально-поселенческую идентичность; постсоветский уровень переживается неоднозначно и вызывает полярные оценки. Авторы интерпретируют эту ситуацию как следствие острого информационного противостояния, в котором разные акторы предлагают несовпадающие видения будущего и прошлого. В этих условиях постсоветская идентичность предстает не устойчивой «данностью», а спорным социальным конструктом, способным стать как ресурсом интеграции, так и источником дальнейшей фрагментации [12. С. 6-25].

Историки и политологи, анализируя трансформацию национальных идентичностей в постсоветских странах, подчеркивают двойственный характер произошедших изменений. С одной стороны, укрепление государственной независимости сопровождалось конструированием новых национальных нарративов, переоценкой советского периода, иногда в логике постколониального дискурса. С другой стороны, именно распад Союза стимулировал формирование «целого многообразия новых интеграционных систем» на пространстве бывшего СССР [19. С. 27-36].

Таким образом, процессы национального строительства и интеграционного поиска развивались параллельно и зачастую противоречиво, что подорвало автоматизм прежней «советской» общности.

Отдельным фактором ослабления единого культурного поля стала государственная политика памяти. Анализ «тупиков политики идентичности» в странах СНГ показывает, что во многих государствах историческая политика была институционализована и стала частью национальных проектов, направленных на переосмысление советского прошлого, фиксацию образа «имперского центра» и оправдание дистанцирования от общего наследия [22. С. 93-99]. Такая политика усиливает разрыв в коллективной памяти, формирует конкурирующие версии идентичности и затрудняет восприятие интеграционных инициатив как легитимного продолжения общей истории.

Сравнительный интеграционный потенциал СНГ, Союзного государства и ЕАЭС. Содружество Независимых Государств (5) стало первой институциональной формой постсоветской интеграции, призванной обеспечить «цивилизованный развод» и минимизировать издержки распада Союза [10. С. 123-136]. В научной литературе подчеркивается его преимущественно координаторский характер: решения в рамках СНГ носят в значительной мере рекомендательный, а не наднациональный характер, а многочисленные соглашения 1990-х гг., такие как Договор об Экономическом союзе (1) и Соглашение о зоне свободной торговли (6), так и остались декларациями о намерениях. Это предопределило ограниченный интеграционный потенциал СНГ как механизма сохранения единой культурной идентичности: институциональная слабость и разнородность интересов участников затрудняли выработку единой долгосрочной стратегии в гуманитарной сфере.

На этом фоне Союзное государство России и Беларуси (2) представляет собой попытку более глубокой двусторонней интеграции. Исследователи отмечают, что в отличие от СНГ данный формат предполагает создание общих институтов, частичную унификацию правовых режимов, координацию оборонной и гуманитарной политики [6. С. 723-753]. Хотя значительная часть положений союзного договора реализована не полностью, именно здесь в наибольшей степени прослеживается ориентированность на поддержание общего культурно-исторического пространства, единого информационного поля и русскоязычной цивилизационной основы. Тем самым Союзное государство демонстрирует более высокий потенциал сохранения общей идентичности, но в географически ограниченных рамках.

Евразийский экономический союз (3), оформившийся на основе Таможенного союза и Единого экономического пространства (4), изначально позиционируется как экономический проект с четко выраженной наднациональной составляющей. В отличие от СНГ, ЕАЭС располагает системой институтов (Евразийская экономическая комиссия, Суд ЕАЭС), чьи решения обладают обязательной силой для государств-участников. Это повышает предсказуемость и устойчивость интеграции, а значит, и ее потенциал как платформы для формирования нового, «евразийского» уровня идентичности. В литературе подчеркивается, что по мере институционального укрепления ЕАЭС гуманитарное измерение интеграции – образовательные программы, академическая мобильность, молодежные обмены – становится важным ресурсом конструирования общей идентичности поверх национальных границ [17. С. 401-410].

Сравнение трех форматов позволяет говорить о смене логики интеграционных политик России в 1991-2020-е гг. Если СНГ выступало преимущественно механизмом мягкой координации и сохранения минимального уровня взаимодействия в условиях распада единого государства, то Союзное государство продемонстрировало модель углубленной интеграции на двусторонней основе с явным акцентом на культурно-историческое единство. ЕАЭС, в свою очередь, воплощает попытку совместить экономическую функциональность

и долгосрочный проект формирования наднациональной идентичности на пространстве бывшего СССР. В этом смысле эволюция от СНГ к Союзному государству и ЕАЭС отражает постепенный переход от инерционного сохранения советского наследия к сознательно выстраиваемым интеграционным стратегиям, в которых культурно-идентификационный измерение становится одним из ключевых ресурсов устойчивости.

Закключение. Анализ интеграционных процессов на постсоветском пространстве показывает, что интеграция не может строиться исключительно на экономических мотивах. Авторы, рассматривающие образование как вектор интеграции, отмечают, что в глобализирующемся и многополярном мире государствам, претендующим на ведущую роль, необходимо становиться драйверами интеграционных объединений [5. С. 401-410]. При этом понятие «постсоветское пространство» наполняется новыми социально-политическими и культурными смыслами и требует внимания к гуманитарным и социокультурным аспектам интеграции.

Именно поэтому в научной литературе все чаще говорится о необходимости нового типа интеграции поверх традиционных национально-государственных границ, который сочетает экономический и социокультурный потенциал и соотносится с радикальной трансформацией глобального политического ландшафта [9; 14. С. 46-50]. В таком подходе постсоветское пространство рассматривается не только как географический или исторический ареал, но и как потенциальный «культурно-идентификационный аттрактор», способный отвечать вызовам глобализирующегося мира.

В этой логике новые интеграционные форматы – от обновленных механизмов СНГ до более глубоких союзов – интерпретируются как попытка институционализировать и переосмыслить общность, которая больше не воспроизводится автоматически. С одной стороны, создаются структуры, призванные сохранить общее экономическое и правовое пространство; с другой – развивается гуманитарное измерение интеграции: работа с образованием, академической мобильностью и молодежными программами в рамках Евразийского экономического союза, направленная на формирование общей евразийской идентичности, прежде всего у студенческой молодежи.

Таким образом, ослабление «советской» и неоднозначность «постсоветской» идентичности, фрагментация коллективной памяти, противоречивая политика идентичности в новых национальных государствах и ограниченные результаты ранних интеграционных усилий создали ситуацию, в которой общность больше не может опираться только на инерцию общего прошлого. Это обусловило потребность в новых интеграционных форматах – от СНГ до Союзного государства и евразийских инициатив, – которые претендуют на роль сознательно выстраиваемого механизма сохранения и реконфигурации единой культурной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Договор стран СНГ от 24.09.1993 г. «О создании Экономического союза» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5465/.
- (2) Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/.
- (3) Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
- (4) Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26.02.1999 г. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/.
- (5) Соглашение от 8.11.1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/1c5d2b9ecc270669c071bd598fa7a97d0f662999/.
- (6) Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 г. «О создании зоны свободной торговли» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алборова М.Б., Малынина П.Д. Научно-технологическое сотрудничество стран ЕАЭС: тенденции и перспективы (Часть II) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 8.
2. Афиногенов Д.А., Стародуб И.В. Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
3. Бадмаев В.Н., Хутыз З.А. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их социокультурное измерение // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. Вып. 3.
4. Бадмаев В.Н., Хутыз З.А. Постсоветское социокультурное пространство как культурно-идентификационный интегратор // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. Вып. 2.
5. Бадмаев В.Н., Хутыз З.А. Образование как вектор интеграции постсоветского пространства // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. Вып. 1.
6. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 4. DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.723-753.
7. Бобохонов К.Н. Роль культурных и образовательных проектов в международных отношениях: примеры региональной парадипломатии Татарстана в странах Центральной Азии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 7.

8. **Большаков А.Г., Бобохонов К.Н.** Исторический обзор дипломатических и парадипломатических отношений России и Узбекистана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
9. **Гуцалов А.А.** Оценка эффективности формирования общенациональной идентичности в постсоветском обществе: комплексный подход: препринт Южного филиала Института Наследия. Сер.: Прикладные исследования и разработки. Краснодар, 2022.
10. **Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С.** 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 2 (77).
11. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Монография под ред. Семенов И.С. М.: Издательство «Весь мир», 2023.
12. **Каргаполова Е.В., Мусаева И.А., Крестова М.А.** Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Том 9. № 3. DOI 10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25.
13. **Курбанов Н.И., Давлетьяров М.М.** Экономические отношения Республики Татарстан в составе России и Туркменистана на современном этапе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 7.
14. **Марков А.А., Краснова Г.В.** Социогуманитарная идентичность СНГ как фактор политической стабильности / Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории под ред. А.А. Маркова. Санкт-Петербург, 2020.
15. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Постсоветские государства Центральной Азии: ЕАЭС, ОДКБ и геополитические интересы России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 6.
16. **Подоматько П.А.** Современная историография белорусско-российских отношений: образ двух стран // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
17. **Погорельская А.М.** Перспективы формирования общей идентичности в Евразийском экономическом союзе с помощью программы академической мобильности / Сборник статей финалистов Конкурса молодых международных студентов СНГ имени А.А. Громько под ред. В.В. Сутырина, А.С. Пешенькова. М.: ИЕ РАН, 2022.
18. **Полежайкина Е.В., Кривова А.Л., Червяков Н.В.** Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 4.
19. **Савина О.В., Шелухина О.О.** Смена парадигм: трансформация национальной идентичности в постсоветских странах // Постсоветский материк. 2023. № 3 (39). DOI 10.48137/23116412_2023_3_27.

20. Сулейманов А.Р. Евразийство как одно из идейных оснований Большого евразийского партнерства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 8.
21. Тучина М.В. Пересборка евразийского пространства: роль Республики Таджикистан. Часть 1. // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
22. Цыкунов Г.А. Тупики политики идентичности в странах СНГ // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. DOI 10.26516/2073-3380.2024.47.93.
23. Шахмин Н.В. Евразийский Союз: от проекта до новых вершин // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 4.
24. Шишов Г.О. Сценарии развития ЕАЭС в условиях многополярности // Вопросы политологии. 2025. № 6.

R.B. BAKHMUDOV

Lecturer at the Russian State Social
University, Moscow, Russia

THE EVOLUTION OF RUSSIA'S POST-SOVIET CULTURAL IDENTITY AND INTEGRATION POLICIES IN THE 1991-2020S.

The article analyzes the evolution of post-Soviet cultural identity and the transformation of Russia's integration policies in the 1991-2020s. Based on the comparative historical method, changes in the structure of the post-Soviet community, the influence of memory politics and nation-building practices on the formation of competing identity models, as well as the dynamics of key integration formats – the CIS, the Union State and the Eurasian Economic Union – are considered. Special attention is paid to the limited integration potential of the CIS as a mechanism for preserving a single cultural identity, due to the institutional weakness of the association and the heterogeneity of interests of its participants. It is shown that the formats deeper in terms of institutionalization – the Union State and the EAEU – have great opportunities for maintaining and reconfiguring the common cultural and historical space. The conclusion is drawn about the increasing role of humanitarian initiatives, educational programs and academic mobility in the formation of new supranational identities, and the historical factors of the stability of the post-Soviet community are clarified.

Key words: post-Soviet identity, cultural policy, integration processes, CIS, Union State, EAEU.